

В заключение книги автор дает краткую характеристику развития и особенностей материальной культуры латышей, подчеркивая то сложное влияние, которое оказали на этот процесс различные природные, географические, политические, экономические и этнические факторы. Природные и географические факторы были, несомненно, предпосылкой развития различных отраслей хозяйства, например, земледелия, животноводства и рыболовства. Однако, как справедливо отмечает автор, отдавая должное влиянию географической среды на материальную культуру и быт, нельзя все-таки считать его решающим. Главными факторами влияния на формирование культуры латышей, по мнению автора, были исторические условия и связи с соседними народами (стр. 183). Своеобразие материальной культуры и быта восточной Латвии — Латгалии автор связывает с длительным подчинением этой территории Польше. Интересна его мысль о том, что латышская буржуазия в XIX в. складывалась в основном из выходцев из Видземе, Земгале и Курземе, а население Латгале в этом процессе играло незначительную роль (стр. 190).

Различия географической среды, исторических условий, этнической истории и культурных связей обусловили формирование в Латвии трех этнографических областей (стр. 190): Курземе (западная), Видземе и Земгале (центральная), Латгалия и Аугшземе (восточная). После краткой характеристики материальной культуры каждой этнографической области, в которой повторяется материал предыдущих глав, автор делает вывод, что материальная культура латышей — существенный источник для исследования культурных связей латышей и соседних народов.

Монография К. Петкевича представляет интерес для латышских этнографов также с методической точки зрения. Следует отметить мысль автора о том, что уровень материальной культуры народа в определенный период в первую очередь зависит от наличия и добычи сырья, а также от техники обработки сырья и изготовления изделий. В соответствии с этим взглядом автор останавливается на примерах, позволяющих охарактеризовать общий уровень развития латышской материальной культуры в определенный период.

В общем работа сделана хорошо, а некоторые недочеты, на которые указывалось выше, понятны, если учесть особенности условий работы над книгой.

В целом автор «Этнографии латышей» К. Петкевич заслуживает сердечную благодарность латышских этнографов за искренний интерес к жизни латышей, за удачную и детальную характеристику культуры латышского народа, за теплое сердечное отношение к нему.

*А. Алсуне, Л. Думпе, Э. Мугуревич,
А. Крастыня, М. Слава, Х. Строд*

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ ЕВРОПЫ

Y. M a n g a. Ünnepek, szokások az Ipoly mentén. Budapest, 1968, 188 стр.

Среди небольших, но интересных монографий новой серии работ, издаваемой исследовательской группой по этнографии Венгерской Академии наук, обращает на себя внимание книга Я. Манги «Праздники, обряды в долине р. Иполь», вышедшая под редакцией Д. Оргутан. Я. Манга — крупный знаток венгерского и словацкого фольклора, музыки и вообще народного искусства. В своей книге автор обобщает материалы, собранные им лично и под его руководством в 1930—1950 гг. в 27 словацких и венгерских селениях, расположенных вдоль течения пограничной реки Иполя (словацк. Ипель). Изучение фольклора данной области дает богатые возможности для сравнительно-аналитических исследований.

После краткого введения, содержащего историческую справку (правда, лишь начиная с середины XVII в.), и изложения принятых в работе методологических принципов, следуют три раздела: I—«Зимние праздники». II—«Весенние праздники» и III—«Летний праздник».

Подробное всего автор описывает зимние праздники. Значительная часть этих описаний основана на сообщениях пожилых крестьян о ныне уже исчезнувших обычаях и обрядах. Интересно сообщение о существовавших до первой мировой войны так называемых «пряильных домах», где собирались женщины и молодые девушки. В этих же домах накануне дня Св. Николая (6 декабря) собирались только парни, устраивавшие шуточную исповедь, во время которой о девушках села рассказывались всякие были и небывлицы. Во многих деревнях тогда существовали традиционные «союзы парней», объединявшие неженатых юношей. Эти «союзы парней» и «пряильные дома» в свое время способствовали в значительной мере сохранению старинных обрядов и обычаев.

До наших дней своеобразные обычаи и обряды соблюдаются в день Св. Луции (13 декабря). В этот день нельзя пряхсть, стирать, печь хлеб и т. д. Перед этим празд-

ником любой из мужчин деревни может тайно изготовить особую скамеечку, встав на которую он якобы сумеет распознать ведьму среди собравшихся в день Св. Луции в церкви женщин.

Из всех зимних праздников выделялось сложной обрядностью Рождество. Кроме строгого поста, в этот день налагался запрет на ряд домашних работ. Вечерняя трапеза обставлялась очень торжественно. В обрядах особую роль играли пастухи, которые обходили дома с прутьями в руках и раздавали их с хорошими пожеланиями. Кроме того, они совершали особые обряды, чтобы исцелить больных животных.

С празднованием Нового года в этих краях не было связано никаких особых обычаев. После крещения (6 января) начиналась «фаршанг» — веселая неделя. В ее последние три дня проводились различные празднества, игры молодежи, танцы и т. п. По деревне ходили ряженые. Во многих селах в эти дни дети выбирали себе «крестных» среди взрослых парней и девушек, которые впоследствии покровительствовали им.

В весенних праздниках сохранилось много архаических черт. Среди них особо нужно отметить обряды, связанные с куклой «Киси», которую считали олицетворением всех бед, угрожающих в течение зимы жителям села. Куклу «Киси» возили по всей деревне, а после завершения обряда бросали в р. Иполь или сжигали.

После Пасхи наиболее знаменательными были дни Св. Георгия (24 апреля) и Св. Марка (25 апреля), во время которых осеялись посевы и совершались специальные обряды, способствовавшие якобы увеличению стад.

Первого мая парни ставили майские деревца перед домами взрослых девушек.

Летние праздники начинались днем Св. Ивана (24 июня). Характерным для этого праздника было сохранение древнего обычая — в прошлом ритуальных прыжков через костры.

В конце своей книги Я. Манга делает немало интересных выводов. Он подчеркивает непрерывную эволюцию народных обрядов и обычаев. Насильственное заселение в средние века опустошенных войной земель разнородными этническими группами (как это было в долине р. Иполя), служба мужчин в армии способствовали трансформации традиционно бытовавших ранее обрядов и обычаев. В более позднее время капиталистическое развитие этого района, организация народных школ еще более ускорили этот процесс, результатом которого стала утрата многих традиционных элементов в духовной культуре.

И. Эрдели

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ АЗИИ

Д. Б. У л ы м ж и е в. Социалистическое переустройство сельского хозяйства в Монгольской Народной Республике. Улан-Удэ, 1968, 266 стр.

Основной задачей рецензируемой работы является анализ социалистических преобразований в области сельского хозяйства Монгольской Народной Республики.

Работа состоит из введения, заключения и четырех глав («Социально-экономические предпосылки кооперирования аратских хозяйств», «Начало кооперирования аратства. Создание условий для массового кооперирования аратских хозяйств в МНР», «Массовое кооперирование аратских хозяйств», «Борьба Монгольской Народно-революционной партии и правительства МНР за организационно-хозяйственное укрепление сельхозобъединений и госхозов на современном этапе»).

Как известно, Монголия в прошлом была кочевой феодальной страной, основой экономики которой служило экстенсивное скотоводство. В послереволюционное время монгольское сельское хозяйство вступило на путь коренных преобразований.

Состоявшийся в июне 1966 г. XV съезд МНРП убедительно показал, что четвертый пятилетний план развития народного хозяйства и культуры МНР (на 1966—1970 гг.) будет важным этапом претворения в жизнь задач по завершению строительства социализма в МНР.

В ходе социалистического строительства в МНР происходили преобразования хозяйства, быта и культуры монгольского народа. Кочевники-скотоводы приобщались к новой жизни. Социалистическое хозяйство включило кооперативный сектор, к которому относятся сельскохозяйственные объединения и государственный сектор с госхозами и машинно-животноводческими станциями. Кочевая форма животноводства сменилась оседлым хозяйством.

Определяя конкретные пути перехода монгольского народа к социализму, автор убедительно показывает, что в его основе лежали революционные преобразования старых форм общественной жизни.